

Пётр Николаевич Краснов

Восьмидесятый

Его поймали с поличным. Окровавленный нож, кривой и острый, был у него в руке, и он его бросил, когда его схватили цепкие руки солдат, толпа нависла над ним и выволокла на широкую площадь, освещенную электрическим фонарем.

Убийца солдата, метким и ловким ударом большого кривого ножа распоровший ему живот, оказался невысоким, коренастым человеком, сильным, -- трое рослых солдат едва могли его удержать, когда он вырывался, -- мускулистым и ловким. Темное, загорелое и грязное лицо имело небольшие черные усы и черную бородку, волосы

были коротко острижены, и глаза, чуть косые, горели недобрым огнем. Он одет был в старую солдатскую шинель и папаху искусственного барашка.

На шум драки, на крики толпы прибежал с вокзала наряд красной гвардии и матросов и плотную черную стеною окружил пойманного.

Пойманный знал, что его сейчас разорвут на части, или, в лучшем случае, расстреляют, но он был совершенно спокоен. Только дыхание после борьбы было неровное.

И бывалые, видавшие виды матросы, и столичная красная гвардия, опытные в расстрелах и казнях, и видавшие не раз казнимых были удивлены, что ни лицо этого солдата не побледнело, ни глаза не потухли, ни сам он не обмяк, хотя приговор над ним уже был произнесен солдатскою толпою и он знал этот приговор: -- "расстрелять!" Да иначе и быть не могло. Он убил ночью сонного товарища. Зачем? Конечно для того, чтобы ограбить. Убитый был ценный партийный работник, неутомимо ведший агитацию среди солдат по поводу демократизации армии, введения выборного начала, человек с тупою непреклонностью крестьянина проповедовавший ненависть к офицерам и необходимость их истребить на "Еремеевской" ночи. У такого человека должны были быть деньги, полученные от партии. И этого опытного агитатора кривым и острым ножом во сне поразил этот маленький крепкий солдат.

Дело ясное, не требующее суда -- расстрелять!

Но уж слишком был спокоен и не бессознательно тупо, а разумно спокоен, обреченный на казнь, чтобы не обратить на себя внимания опытных палачей.

Маленькими, умными, проницательными глазами осматривал он матросов и красную гвардию, теснившуюся вокруг него с винтовками в руках, и как будто хотел что-то сказать.

-- Товарищ, -- обратился к нему худой, безбородый и безусый матрос с испитым лицом уличного хулигана, -- как же это вы своего товарища солдата?.. А??. Зачем же это... Грабить!

-- Нет, не грабить, -- спокойно ответил пойманный. -- Я никого никогда не ограбил.

-- Ладно. Так зачем же убили?

-- Это месть.

-- Вы его знали?

-- Нет, я его не знал. Сегодня первый раз увидал.

-- Ишь ты, -- раздались голоса в толпе. -- Ты, брат, зубы-то не заговаривай, не болят. Стройся к расстрелу. Расстрелять!.. Чего попусту возиться -- убил своего товарища -- расстрелять и только.

Глухо волновалась толпа. Метались в сумраке ночи худые косматые руки, пальцы, сжатые в кулаки, мрачные тупые глаза бросали недобрые косые взгляды, надеяться на помилование было невозможно, смерть уже нацелилась в него и готова была схватить его когтистыми руками, а он стоял все так же величаво спокойный. Даже руки сложил на груди.

-- Я мщу не ему одному. Я его не знаю, я мщу всем солдатам. И этот не первый, -- сказал он, когда на минуту стихли крики.

Дело принимало особый оборот. Вина усугублялась, казнь грозила стать не простым расстрелом; возмущенная толпа могла начать избивать его, медленно приближая смерть, увеличивая мучения, а он шел на это. Шел, и все-таки был спокоен.

Коренастый матрос, в фуражке с козырьком на затылке и в хорошо сшитом черном бушлате, с большим лицом, бледным, измученным, на котором умно смотрели глаза, не то офицер, не то боцман вышел из толпы и медленно спросил:

-- Так это не первый, кого вы убиваете? А который?

-- Восьмидесятый, -- невозмутимым тоном ответил пойманный.

Ахнула толпа и, теснее сгрудившись, придвинулась почти вплотную к этому солдату. Цифра поразила и ее, привычную ко всяким зверствам.